

Елена Шкапа
(Москва)

Н. С. ЛЕСКОВ КАК ПРЕДТЕЧА П. А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье рассматриваются взгляды Николая Лескова и Павла Флоренского на православие, старообрядчество, традиции иконописи, влияние творчества Лескова на формирование взглядов Флоренского.

Ключевые слова: Николай Лесков, Павел Флоренский, вера, православие, старообрядчество, иконография, святочные рассказы.

The article discusses the position of Nikolai Leskov and Pavel Florensky on Orthodox, old believers, the tradition of icon painting, the influence of creativity on Leskov attitudes Florensky.

Key words: Nikolai Leskov, Pavel Florensky, faith, Orthodox, old believers, iconography, Christmas stories.

Н. С. Лесков (1831–1895) занимает особое место в ряду русских писателей XIX в. Его творческое наследие, без сомнения, стало источником для размышлений религиозного философа П. А. Флоренского (1882–1937). Отношение к его личности и его произведениям, как и к Лескову, долгое время оставалось противоречивым. Оппоненты «подчеркивают филигранный анализ исторических реалий — в работах по античной философии или древнерусской иконописи, например. Нет единодушия и в оценке религиозной стороны наследия отца Павла — одних отталкивает непрописанность христологии <...>, поклонники же утверждают ортодоксальный характер его работ» [7]. Подлинное значение фундаментальных трудов о Павла Флоренского стало раскрываться лишь в последнее время.

««Православие, — писал Победоносцев, — это религия блудниц и мытарей, идущих в Царство Небесное вперед законников и фарисеев». Так понимали православие Лесков и Достоевский, а ведь глубже их никто не описывал сущности народной веры», — читаем мы в работе Флоренского

«Православие» [11, с. 182]. Своеобразие русской православной веры, как и Лесков, он видит в сочетании языческих традиций и византийского христианства: «Русская вера сложилась из взаимодействия трех сил: греческой веры, принесенной нам монахами и священниками Византии, славянского язычества, которое встретило эту новую веру, и русского народного характера, который по-своему принял византийское православие и переработал его в своем духе» [11, с. 164].

Лесков имел особую для своего времени позицию по отношению к старообрядчеству. «Древнее благочестие» воспринималось писателем как символ народной истинной веры, как наиболее чистый вариант христианства. «Веру держим простую, русскую», – рассказывает о своей семье староверов в рождественском рассказе «Христос в гостях у мужика» повествователь [3, с. 1]. Близкая точка зрения о старообрядчестве у П. А. Флоренского: «Первоначально это было православие в его самом чистом виде, но под влиянием своего “протестантского” состояния оно усвоило себе некоторые неправильные черты; в общем, оно все же наиболее близко к тому идеалу...» [11, с. 187]. В «Записке о старообрядчестве» о. Павел подчеркивает: «Необходимо было бы уяснить себе коренную причину болезни. <...> Одни (сторонники Никона) видели спасение в мелких реформах, которыми думали сгладить известные внешние шероховатости, но при наличии этих мелких реформ и умолчании возрожденческих начал, закравшихся в церковное миропонимание, эти последние только закреплялись. Другие деятели (сторонники Аввакума) думали спасти положение, наглухо закрепив церковную жизнь недавнего прошлого, но тоже лишь закрепляли этим задолго до того происшедшее отступление от церковного миропонимания. И реформы, и реставрация в самом главном ошибались одинаково» [12, с. 560–562].

«Колумб иконографии в XX в.» [5, с. 122–134], Флоренский изучал древнерусское и средневековое искусство иконописи. Исследователь русской философии Р. А. Гальцева отмечает: «До Флоренского, – по мнению Новосельского¹, – икона была археологической темой, а он благодаря своей смелости и оригинальности открыл ее для всестороннего изучения. <...> У Флоренского в его открытии иконы Новосельский видит единственного предшественника – Н. Лескова с гени-

¹ Ежи Новосельский (Jerzy Nowosielski) – польский художник, теолог.

альными и абсолютно самобытными интуициями в этой области» [5, с. 122–134].

Н. С. Лескова как настоящего художника отличает понимание религиозной живописи, искусства иконописи и возможности литературного слова. Достаточно обратиться к описанию иконы в «Запечатленном ангеле» или иконы «Воскресения с сошествием» (апокрифическое сказание «Сошествие во ад»). В начале 1860-х гг. писатель всерьез начинает заниматься иконографией, знакомится с подлинниками, собраниями музейных и частных коллекций икон, даже занимается исследовательской работой. Увлечение Лескова историей русской иконописи нашло отражение в ряде его художественных произведений, а также в специальных статьях писателя: «О русской иконописи» (1873), «Адописные иконы» (1873), «Благоразумный разбойник (иконописная фантазия)» (1883) и др. В ряде рассказов писатель делает отсылки к объектам православного искусства: иконам, храмам, соборам, маленьким церковкам.

Признанным шедевром эксплицитного присутствия иконы в тексте Лескова является повесть «Запечатленный ангел», в которой икона становится главным героем. Именно поэтому чаще других вопрос о соотношении художественного слова писателя и иконографии исследователями рассматривался применительно к «Запечатленному ангелу». Этот рассказ явился результатом глубоких размышлений писателя о судьбах раскола, превосходство которого он видел в силе духа, неразрывной связи с Богом, правдой и стариной, а точнее, с древним иконописным искусством, ставшим для старообрядческой общины и «объединяющим началом, и нравственной опорой, и эстетической призмой» [6, с. 14].

Я. В. Сенькина (Карсакова), исследуя поэтику иконности в повести «Запечатленный ангел», подчеркивает роль иконы в духовном становлении человека, в его внутренней динамике к Божественному Лику Христа: «...понятиями маски, лица и лика можно обозначить этапы становления не только отдельной личности, но и личности соборной, как в “Запечатленном ангеле”. На протяжении повести происходит становление артели как соборной личности, отбросившей маску законничества и принявшей лик истинного христианства, узревшей, благодаря образу ангела, в Церкви Лик Христа. Иконописное произведение («строгановская» икона

ангела) восходит к иконичному образу, а он возводит и героев, и автора, и читателя к общению с ангельским ликом и через него – к общению с Ликом Христа» [10, с. 17–18].

Л. В. Савелова отмечает, что «совпадение некоторых аспектов социально-антропологических воззрений Лескова, развертывающихся в его повестях, и религиозно-философского учения Флоренского обнаруживается и в отношении проблем, связанных с ролью, гносеологическим и онтологическим статусом иконописного искусства и человека в нем» [9, с. 151–152], а мысли и взгляды писателя «значительно перекликаются с положениями работы Флоренского “Иконостас”, написанной более чем тридцатью годами позже» [там же]. Лесков строит образ человека так, что сквозь тонкую (хотя и вполне плотную) оболочку облика героев и событий их жизни, сквозь существующее, сиюминутное читателю являются вечные лики и вечное бытие. Человек оказывается каждое мгновение (которое есть не что иное, как вход в вечность) не сосредоточенным в этом «физическом» мгновении, на поверхности бытия, но открытым бесконечному бытию. Образ человека у Лескова обычно двусоставен – внешний образ текущей реальности позволяет внимательному взгляду увидеть в этой же реальности явленный образ вечности. Человеческая природа двусоставна: в ней сочетаются социально-бытовое («обличье») и психологически-конкретное («образ»); к этому уровню – души, чувств – примыкает, в ином случае, и духовно-нравственное, надличностное начало.

По мнению Флоренского, соответственно двум способам соприкосновения человека со сверхчувственной реальностью, один из которых, согласно христианской догматике, истинный, а другой – ложный, существуют два основных понятия, соответствующие высшему, духовному и низшему, повседневному опыту человека. Истинному опыту соответствует термин «лик», ложному – «личина». Есть термин, занимающий среднее положение, – «лицо», «свет, смешанный со тьмою, это тело, местами изъеденное искажающими его прекрасные формы язвами» [12, с. 419–527].

Опираясь уже на основополагающие термины символической эстетики Флоренского [там же], приведем примеры образов некоторых героев святочных рассказов Н. С. Лескова через триаду понятий «лик», «лицо», «личина» с точки зре-

ния их духовного содержания. «Лицо» есть промежуток между «ликом» и «личиною». «Лик» тогда виден, когда «лицо» утончается. Лик — это лицо, освободившееся от печати мирских страстей и праздных треволнений и обретшее статус зримого символа свершившегося духовного преображения. Вспомним также, что именно лики являются символами высшей одухотворенности человека, обозначая лица людей. И само человеческое лицо тоже становится иконой. Идея Лескова выражается «умозрением в красках»¹, словесной иконографией.

В святочном рассказе «Зверь» происходит преображение героя, его истинный лик проявляется в рождественский вечер: из человека-зверя дядя превращается в истинного человека. «Злобный и неумолимый» герой рассказа, который «не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал за слабость» [2, с. 262], в финале неузнаваем. Он «словно чудом умел узнать, где есть истинное горе и умел попевать туда вовремя» [2, с. 279]. Герой рассказа «Зверь», жестокий, не знающий жалости помещик, «укрощается», потрясенный добрым поступком крепостного. В рассказах «Пугало» и «Фигура» мотив истинной красоты воплощается в следовании евангельским заповедям. Герои хранят в себе лик Христа, борясь с греховными страстями. Тимоша, герой святочного рождественского рассказа «Христос в гостях у мужика», постепенно искореняет в душе одиночество и обретает способность к прощению, звучит мотив «распечатления», открытия, замыкания.

Как Лесков, так и Флоренский смотрели на иконопись через призму древлеправославия. Русская православная икона в святочном рассказе «На краю света» (1875) выступает как символ правильной, истинной веры: обобщенный Образ Спасителя кисти старинных русских иконописцев семантически противопоставлен «щеголеватому канареечному Христу» [1, с. 454] в западноевропейской религиозной живописи, русское православие – западному католичеству, простота народа – изыскам светского салона. «Противопоставление иконописания и европейского искусства трансформируется по мере развития мысли рассказчика повести «На краю света» в оппозицию двух пониманий Христа и шире – двух типов мировосприятия в системе русского культурного сознания» [9,

¹ Термин Е. Трубецкого.

с. 152]. Описания «различных живописных воплощений образа Христа» [4, с. 5–48] становятся не только тематическим началом, но и общей темой всего повествования: «И вот, в эту же меру, в какую, по-моему, проще и удачнее наше народное искусство поняло внешние черты Христова изображения, и народный дух наш, может быть, ближе к истине постиг и внутренние черты его характера» [1, с. 455].

Флоренский и в этом вопросе солидарен с Лесковым, настроен «антизападнически». В своей работе «Иконостас» он отмечает, что «все сводится к тому, верить ли в онтологическую первичность и самодовлеимость мира, самосозидающегося и саморасчленяющегося, или же верить в Бога и признавать мир Его творением. Возрожденская живопись, хотя и не всегда последовательно, служила первому миропониманию, а иконопись избрала своей основой — второе, <...> западное искусство ни в одной своей особенности, т. е. противоположности иконописи, никогда, даже в самых крайних своих течениях, не было до конца последовательно» [12, с. 419–527]. В другой своей заметке о. Павел пишет: «...из всех христианских исповеданий ни одно так живо не чувствует личного Христа, как православие. В протестантизме этот образ далек и не имеет личного характера, в католицизме он — вне мира и вне сердца человеческого. Католические святые видят его перед собою, как образец, которому они стремятся уподобиться до стигматов — гвоздинных ран, и только православный — не только святой, но и рядовой благочестивый мирянин — чувствует Его в себе, в своем сердце». Вспомним рассказ о. Кириака («На краю света») о том, как ребенком, забившись под банный полоч, он молил Бога, чтобы его не выдрали за шалость; и вдруг он почувствовал, что повеяло тихой прохладой, «и у сердца, как голубок тепленький», что-то зашевелилось. Это был Христос. «Всей вселенной он не в обхват, а, видя ребячью скорбь, под банный полочек к мальчику подполз и за пазушкой обитал» [1, с. 186].

Флоренский много читал и любил произведения Лескова; в письмах из лагеря старшей пятнадцатилетней дочери Оле (13–14.10.1933; 27–29.12.1933) советовал «по русской словесности» [13, с. 35] обращаться к литературному наследию именно этого самобытного писателя: «При случае почитай Лескова, да и другим тоже будет полезно и интересно» [13, с. 60]. Творчество писателя оказало большое идейное влияние на

формирование взглядов о Павла как философа, богослова и искусствоведа. Безусловно, Лескова по праву следует считать «предтечей» такого «явления не только русской, но и мировой культуры» [8, с. 3–4] как Флоренский. Данная проблема еще мало изучена и заслуживает дальнейшего исследования.

Список литературы и источников

1. *Лесков Н.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 5.
2. *Лесков Н.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7.
3. *Лесков Н.* Христос в гостях у мужика // *Игрушечка*. 1881. № 1. С. 1–12.
4. *Баршт К.* О типологических взаимосвязях литературы и живописи: (На материале русского искусства XIX века) // *Русская литература и изобразительное искусство XVIII – начала XX в.: Сб. научных трудов*. Л., 1988.
5. *Гальцева Р.* Очерки русской утопической мысли XX века. М., 1991.
6. *Дыханова Б.* Эволюция повествовательных форм в прозе Н. С. Лескова (динамика народного самосознания и ее стилевое воплощение): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 1992.
7. *Кожурин А.* Философия культуры П. А. Флоренского // *Проблемы культуры в русской философии II половины XIX – начала XX веков: Учебное пособие*. СПб., 2001. Глава 4. См.: http://anthropology.ru/ru/texts/kozhurin/cult_04.html (дата обращения 24.12.2014).
8. *Лихачев Д.* Слово о П. А. Флоренском / П. А. Флоренский: Философия, наука, техника. Л., 1989.
9. *Савелова Л.* Специфика жанровой структуры повестей Н. С. Лескова 1860–1890-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.
10. *Сенькина Я.* Поэтика иконичности в повести Н. С. Лескова «Запечатленный ангел». Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иваново, 2013.
11. *Флоренский П.* Православие // *Ельчанинов А. В.* История религии. М., 1909.
12. *Флоренский П.* Иконостас // *Флоренский П. А.* Соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2.
13. *Флоренский П.* Соч.: В 4 т. М., 1998. Т 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков.